

**Наше купечество и торговля с  
серьезной и карикатурной  
стороны**

**Выпуски 1 -3**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
НЗ7

НЗ7 Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны: Выпуски  
1 -3 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 626 с.

**ISBN 978-5-458-13888-8**

**ISBN 978-5-458-13888-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



да переходить въ самый бытъ общества. Многое неудобно укладывается въ простое, открытое изложеніе и требуетъ формы юмористической и иносказательной. Въ слѣдствіе-то этого и нашъ сборникъ носить двойственный характеръ. — Затрогивая теперь дѣло съ разныхъ сторонъ, мы считаемъ лишнимъ всякія общанія, одно только можемъ сказать при выходѣ этаго перваго выпуска, что цѣль наша — изученіе и и уясненіе нашей торговли и купеческаго быта и трудъ этотъ дѣло не одного лица; мы по возможности будемъ избѣгать такъ называемаго обличительнаго направленія: при такомъ богатомъ матеріалѣ какъ нашъ торговый и купеческій бытъ, довольно если вѣрно и близко передать то, что идетъ и дѣлается у всѣхъ насъ предъ глазами. Касаясь больныхъ ранъ этого общества необходимо имѣть въ виду вышеприведенную мѣткую и полную живаго, теплаго участія къ этому обществу фразу К. С. Аксакова: всякое явленіе имѣетъ свою причину и основаніе и потому-то въ первомъ отдѣлѣ нашего сборника, большою частію, приведены причины положенія, въ которомъ въ настоящее время находится наше купечество и торговля, во второмъ, большою частію, ихъ послѣдствія.

Русскій купецъ.

**I.**

**НАШЕ КУПЕЧЕСТВО И ТОРГОВЛЯ  
СЪ СЕРЬЕЗНОЙ СТОРОНЫ.**

## I.

### Торговля и купцы.

Въ настоящее время съ особеннымъ любопытствомъ читаются статьи о торговлѣ, въ нихъ, по преимуществу, обращается вниманіе на методъ веденія нашего торговаго дѣла, на его особенности, на купеческую сноровку и т. п. Объяснить подобное любопытство и подобное вниманіе вообще не трудно: всѣмъ вообще, волею неволею, приходится взяться за трудъ, торговля представляетъ много соблазновъ, извѣстно, что многіе разжились отъ нее — разбогатѣли и незнакомаго и мало знакомаго тянетъ къ ней, увлекаетъ познакомиться, чтобы черпнуть изъ этого источника; замѣчательно при этомъ, что знакомство съ нашею торговлей дается вообще не легко... Не легко же дается потому, что оно прежде всего въ исключительномъ положеніи...

Цѣль нашей книги по возможности объяснить эту исключительность и торговли и купеческаго общества.

Торговлю нашу тонко знаютъ одни купцы, торговля послушна только въ ихъ рукахъ, но это никакъ не значитъ, чтобы она должна быть и остаться у насъ именно таковой; какова она у насъ въ настоящее время...

Г-нъ Оедченко на публичныхъ чтеніяхъ въ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ передалъ слѣдующій фактъ изъ торговой жизни за послѣднее время: извѣстно, что итальянцы — уполномоченные составившейся въ Италіи компаніи для заведенія прямыхъ отношеній по этому дѣлу съ Азіей, видя настоящую современную потреб-

ность въ хлопкѣ, обратили вниманіе и на него и изъявили желаніе принять на себя трудъ исправленія недостатковъ въ этой промышленности, которая главнымъ образомъ состоитъ въ дурной очистки отъ сѣмянъ и упаковки... Дѣло это объяснилось и возбудило неудовольствіе въ нѣкоторой части нашего купечества — хорошо знакомаго съ нашими отношеніями къ Бухарѣ и Персіи. Въ Петербургѣ составила компанія десяти участниковъ съ паями по 10,000 р. с., уполномоченный этой компаніи пріѣхалъ въ Москву, и на первыхъ порахъ обратился онъ къ одному изъ первыхъ нашихъ прядильщиковъ, *письменно*.

Письмо осталось безъ отвѣта. Со вторымъ письмомъ былъ отправленъ посланный, которому было наказано *непрельмно требовать отвѣта*, хотя на словахъ. „Мнѣ теперь некогда, отвѣчалъ на это фабрикантъ, а просите его завтра пожаловать въ *Лоскутній*, мы бы тамъ потолковали“. Въ третьемъ письмѣ объясняли, что это дѣло серьезное, что для него нужно не трактирная бесѣда, а общественное вмѣстѣ съ другими бумагопрядильщиками обсужденіе, не терпящее отлагательство. Отвѣта не послѣдовало и дѣло это, какъ кажется, осталось непричемъ.

Этотъ послѣдній, самый свѣжій фактъ, мы принимаемъ за исходную точку нашей небольшой монографіи.

Фактъ этотъ дѣйствительно грустный и съ перваго взгляда вся вина падаетъ на фабриканта, который такъ туго отозвался общественному дѣлу, на его равнодушіе, на его неподвижность; если же вглядываться глубже въ это дѣло, то вина въ подобномъ дѣлѣ идетъ далѣе и распространяется на все купеческое общество, которое съ давнихъ поръ, руководясь какими-то тайными силами, непонятно и какъ бы наперекоръ всѣмъ движеніямъ послѣдняго времени остается при своемъ упрямомъ равнодушіи избѣгаетъ въ дѣлѣ, прямо въ ущербъ дѣлу, всего общественнаго и живетъ и богатѣетъ и банкротится особнякомъ.

Что же такъ настроило, что расподжило и располагаетъ это общество къ подобному направленію?

Вопросъ этотъ проходитъ прямо и естественно въ настоящее время.

На первомъ планѣ стоитъ тутъ опытъ — опытъ не располагающій къ общественности и къ дружному преслѣдованію общими силами цѣлей, которыя были бы безъ сомнѣнія полезны всему русскому обществу... Возьмемъ недавнее время, вспомнимъ двѣ купеческо-общественныя компаніи заведенныя въ разныхъ странахъ нашей обширной территоріи во всемъ противоположныхъ другъ другу — Кяхтинскую и Кавказскую компаніи — что вышло изъ этого казавшагося блестящимъ дѣла, какое оно оставило впечатлѣніе, каковы результаты его? Лицо, стоявшее во главѣ первой, лицо, въ которое была общая вѣра, лицо, на самомъ дѣлѣ даровитое и талантливое не могло вынести трудности этого дѣла, которое въ непродолжительное время значительно потерпѣло и ввело въ чувствительный убытокъ очень не мало капиталовъ — мы помнимъ тотъ страхъ и неудовольствіе, которое ярко проглянуло въ то время и отшатнуло общество отъ разныхъ компаній и на первыхъ же порахъ развитія какой-либо общественности располагало къ ней враждебно цѣлое общество; чрезъ нѣсколько времени образовывается другая компанія — Кавказская, которая сулитъ золотыя горы, дѣло начинается сборомъ значительнаго капитала и благодаря незнанію края и рѣшительной непрактичности въ приѣмахъ дѣловеденія, а болѣе всего распоряженію управленія дѣло рухнуло самымъ шумнымъ образомъ. Со времени этой неудачной попытки привитія русскаго дѣла въ двухъ мѣстахъ, вышедшихъ изъ издавна очертившагося круга нашей торговой территоріи — неудача на самыхъ первыхъ порахъ прямого естественнаго развитія нашей торговли можно сказать безошибочно затормозило всякое развитіе ея извнѣ, все скучилось у себя дома, все стало болѣе прежняго бояться новизны и неизвѣстности и дѣло пошло по старой рутинной дорогѣ, не забѣгая даже мыслью далѣе освоившихся ярмарокъ; въ такомъ положеніи дѣло оставалось долгое время — почти все время царствованія императора Николая, во время котораго зачались и рухнули и упомянутыя компаніи... Съ водвореніемъ новаго порядка вещей, съ прогрессивнымъ ходомъ новаго времени, съ наступленіемъ неминуемой нужды подымать наши промышленныя силы и наконецъ съ появленіемъ цѣлой тучи акціонерныхъ компаній, купеческое обще-

ство, хотя и держало себя осторожнѣй другихъ, какъ уже болѣе опытное, но все-таки не могло не заразиться акціонерной горячкой, заразившись оно и поплатилось — это также не могло хорошо расположить купечество къ общественности въ дѣлѣ, оно начало сторониться и отъ прогрессивныхъ идей и отъ новизны, наконецъ неудачи компаній и ассоціацій многихъ лицъ — двухъ, трехъ товарищей, несостоятельность компанейскихъ мануфактуръ, придиленъ и т. п. и вліятельнѣе другаго — шутиха разныхъ незрѣлыхъ начинаній, пожаръ Апраксина двора и многое другое въ этомъ родѣ окончательно расхолодило купеческое общество къ какимъ-либо общественнымъ предпріятіямъ и оно къ сожалѣнію до сихъ поръ продолжаетъ также недружелюбно относиться и къ такимъ начинаніямъ, которыя имѣютъ или по крайней мѣрѣ начинаютъ имѣть уже совсѣмъ другой характеръ, къ которому можно смѣло причислить недавно заявленную мысль о составленіи компаній для прямого дѣла съ Бухарой, по такъ насущно необходимому для насъ хлопку.

Съ другой стороны правильному отношенію купечества къ торговлѣ и выходу купечества изъ своей замкнутой среды не мало мѣшаетъ и другая сторона дѣла, которая хотя безспорно живетъ большею частію въ прошломъ, но не совсѣмъ еще отрѣшилась и отъ настоящаго времени... Возьмемъ недалёкое и недавнее — Москву и первые года настоящаго царствованія, въ переходное состояніе котораго многое было видно несравненно ярчѣ: придирки и стѣсненія того, что себя разумѣло подъ именемъ начальства давало знать себя на каждомъ шагу, промышленность и торговля и это время и долго, долго прежде и послѣ должна протискиваться чрезъ всѣ препятствія, чрезъ всѣ затрудненія, покупать каждый свой шагъ, подкупать многое и многихъ, чтобъ сколько-нибудь успѣшно вести свое дѣло; сколько анекдотовъ, преданій, повѣрій о столкновеніяхъ съ губернаторами, полицмейстерами, правителями разныхъ канцелярій, частными приставами, квартальными, даже хожалами, ходить и до сихъ поръ между нашими купцами и промышленниками и ходятъ они не даромъ и незря, а необходимо прямо и естественно дадутъ матеріалъ для будущаго историка нашей торговли и промышленности...

Вотъ по этимъ-то матеріаламъ, до сихъ поръ еще не только не собраннымъ, но еще мало кѣмъ тронутымъ и мало кому извѣстнымъ видно, \*) ясно видно, что прошлое и еще недавнее время не только не способствовало развитію и успѣшному ходу русскаго дѣла, но въ большинствѣ случаевъ затрудняло его самымъ ощутительнымъ образомъ. Кромѣ того общество это, отчужденное отъ участія полученія какихъ-либо свѣдѣній въ движеніе распоряженій высшаго начальства, распоряженій, касающихся прямо дѣла промышленности и торговли, въ большинствѣ своемъ мало развитое, самымъ дѣломъ и его черною работой отчужденное отъ другаго болѣе развитаго общества, съ туго, за хлопотами и безалабернымъ-временепровожденіемъ прививающеюся привычкою чтенія не проявляющее своего собственнаго голоса, мало въ массѣ проникнутое сознаниемъ пользы своего собственнаго органа, глохло въ этомъ своемъ большинствѣ и подавало знакъ жизни только нѣкоторыми смѣло впередъ выдвинувшимися личностями

Кто не бранить за все это нашего купечества? Мы, не разъ выражались объ немъ весьма для него не лестно; но свой своему по неволѣ другъ: побранишь, укажешь на недостатки да покажешь и хорошую сторону которыхъ не мало въ этомъ обществѣ. А загляните въ обличительную и необличительную литературу, припомните театральныя піесы съ сюжетами, взятыми изъ купеческаго быта, какъ тамъ часто купецъ — или отребіе общества, или плуть, или смѣшенъ, и является въ такомъ видѣ, говоритъ такимъ языкомъ, какъ будто бы онъ совершенно изъ другаго міра. Бывши купцомъ, невольно задумываешься надъ этимъ страннымъ явленіемъ въ нашемъ, и именно только въ нашемъ русскомъ обществѣ. Само собою разумѣется, что здѣсь всего больше виноваты мы сами, виноваты недостатокъ образованности, не доска образованности, не свѣтскости, а главнѣйшаго, — недостатокъ развитія чувства собственнаго достоинства. Если мы сами въ себѣ не умѣемъ уважать ничего, кромѣ капитала, какъ же

---

\*) Матеріалы эти, по большей части, въ ихъ первообразной формѣ, войдутъ въ третій выпускъ этого изданія.

желать, чтобы другіе уважали въ насъ то, чего мы въ себѣ не признаемъ, — человѣческое достоинство? Тотчасъ же, непосредственно за этимъ, слѣдуетъ у насъ вторая бѣда, — совершенное отсутствіе понятія объ общественности.

Но обратимся къ прежнему, мы коснулись важнаго для насъ вопроса о болѣе правильной подготовкѣ, на мѣстѣ, бухарскаго хлопка, объ улучшеніи его породы посѣвомъ американскихъ сѣмянъ и пр. и пр. Составилась, какъ мы говорили, русская компанія, составила она въ Петербургѣ, прислала своего уполномоченнаго искать поддержки въ Москвѣ и встрѣтила если не полное равнодушіе, то, по крайней мѣрѣ, какую-то нерѣшительность;—а Москва въ торговлѣ внутренней, въ производительности и въ торговлѣ съ Востокомъ всегда занимала и занимаетъ первое мѣсто. Чѣмъ же еще съ другой стороны объяснить такую странную нерѣшимость, такое почти равнодушіе къ дѣлу и къ такому дѣлу, которое во всякой другой странѣ, во всякомъ другомъ народѣ, особенно при настоящемъ недостаткѣ хлопка и при настоящемъ значеніи хлопка въ торговлѣ, взбудоражило бы всѣхъ и cadaго и нашло бы во всѣхъ готовность за него приняться?

Промышленники и торговые люди на это отвѣчаютъ такъ: „Необходимо, говорятъ они, знать дѣло со всѣми его мелочами и во всей его обстановкѣ, иначе оно остается безъ почвы, безъ мѣста и времени, въ которыхъ оно совершается.

„Кто намъ поручится,“ говорятъ они, „что построенное мною сегодня не сломается завтра? Выдержать ли ожидае мья выгоды тотъ рискъ, на какой я пускаюсь, начиная новое дѣло? — а пройти чрезъ всѣ необходимыя для этого инстанціи, — рискъ весьма сильный, обезпечить противъ котораго не возьмется ни одно страховое общество. Хорошо тому обществу рѣшаться на все и рѣшаться скоро, которое о такомъ обезпеченіи не думаетъ, которое, рѣшаясь, думаетъ только о дѣлѣ? А мы? Можемъ ли мы покойно думать о дѣлѣ? Мы не дома, а на бивуакахъ: каждый день мѣняемъ обстановку и внутри и внѣ, и при такой перемѣнѣ, заигнется ли кто-нибудь спросить нашего согласія, хотя бы даже простаго отзываетъ? Есть ли у насъ учрежденіе, общественное мѣсто, гдѣ

бы мы, предъ лицомъ закона, и съ законнымъ правомъ на общественный голосъ, обмѣнялись своими понятіями, заявили требованія, обсудили выгоды и не выгоды дѣла, представили необходимыя условія его успѣха, зависящія уже не отъ насъ лично, не отъ нашихъ соображеній, даже не отъ нашихъ капиталовъ, а прямо отъ общественнаго устройства и отъ степени увѣренности нашей въ ненарушимость и въ незыблемость нашего общественнаго положенія?

„Какъ во все это вникнешь, такъ и насъ извинишь, и согласишься, что легко укорять словами — рутину, отсталость; но не легко подробно прослѣдить: что именно держитъ въ ней, что къ ней располагаетъ и что, сливаясь во едино, говоритъ народною пословицею: старый другъ лучше новыхъ двухъ. Надобно быть въ нашемъ положеніи, чтобы понять, каково приходится каждому, когда послѣ того какъ положишь капиталъ, то есть все заработанное всею жизнію и все доставшееся, положишь трудъ всей жизни, и вдругъ начнутъ ходить слухи о разныхъ перемѣнахъ, хотя бы на примѣръ въ тарифѣ. Тутъ не до того, чтобы вникать: на сколько онъ удовлетворяетъ, или не удовлетворяетъ теоріи, тутъ одна мысль затемняетъ все остальное. — да вѣдь я рассчитывалъ и имѣлъ право рассчитывать на порядокъ существующій, никѣмъ не былъ я предупрежденъ, что онъ измѣнится, никто не спросилъ меня, каково это подѣйствуетъ на мои дѣла, и всѣ меня же обвиняютъ въ отсталости, и въ эгоизмѣ. Не остановишься ли въ раздумьи, когда первый разъ прочтешь хотя на примѣръ такое опредѣленіе, какъ *толченый рафинадъ*, — съ разу не поймешь что и разумѣть то подъ этимъ“.

Давно уже мы прислушиваемся къ подобнымъ толкамъ нашихъ торговцевъ и промышленниковъ и теперь передаемъ ихъ, не прибавляя отъ себя ни полслова, а только обратимъ вниманіе нашихъ читателей на то, какъ неопредѣленность, безпризывность къ участію въ дѣлахъ, относящихся прямо до торговли и промышленности, успѣли своеобразно сформировать характеръ нашего купечества. Прислушайтесь къ обычному разговору помѣщика старыхъ временъ и настоящихъ, если не наступающихъ.

Помѣщикъ свободно говоритъ о свѣзихъ помѣстьяхъ, о своемъ хозяйствѣ, о количествѣ десятины подъ запашкою, о лугахъ, хозяйственныхъ удобствахъ; подъ часть войдетъ въ азартъ и прихваснетъ, и приукраситъ и преувеличитъ. Последнее зависитъ уже отъ его личности, но по общему строю и въ большинствѣ личностей, или лучше, по самому характеру дворянства, никто не думаетъ ни скрывать, ни утаивать своихъ хозяйственныхъ оборотовъ. Большею частію бываетъ и такъ, что чѣмъ менѣе на дѣлѣ, тѣмъ больше имѣній и тысячь десятины на словахъ, особенно когда помѣстья гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ губерніяхъ.

Купецъ же прежде всего не только не любитъ говорить про свои богатства, но не любитъ чтобы при немъ и рѣчь объ нихъ заводилась; если же объ этомъ весьма щекотливомъ предметѣ обращаются къ нему самому, онъ большею частію мастерски увертывается и отвиливаетъ, въ чемъ онъ сильно наловчился. „Помилуйте, что у насъ за дѣла, или, что у насъ за фабрика, такъ себѣ дѣлишки или фабриченка, на хлѣбъ только достаетъ себѣ и ребятишкамъ.

„Ну, а если товарцу купить?“

— Покупаемъ поменьку.

„Ну, а если вотъ всю мою партію?“

— Ничего и всю партію можно.

„Да вѣдь партія-то большая.“

— Какъ-нибудь сможемъ, только если уступите какъ слѣдуетъ; на дѣло денегъ найти можно.

Нельзя не согласиться, что весь такой разговоръ страненъ и дикъ, но едва ли не согласится съ нами и читатель, что онъ прямо выходитъ изъ настоящаго положенія купечества. Вѣрите, что чѣмъ будетъ опредѣленнѣе, яснѣе, и устойчивѣе положеніе, тѣмъ положительнѣе будетъ и ходъ объясненій,— пройдутъ *обиняки* сами собою и помину объ нихъ не будетъ.

Слава Богу и теперь уже по немножку горизонтъ проясняется, мало по малу тучи проходятъ, но пуганная ворона и куста боится: не скоро измѣнится то, что составилось долгимъ гнетомъ, долгимъ униженіемъ. Давно ли еще бывало, что купецъ и замѣтете значительный, весьма не охотно входилъ въ близость съ сильными міра сего, и куда какъ жался,